

Терапия творческим общением с литературой: КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

ФИЛОЗОП А.А.

к.пс.н., медицинский психолог, Воронежский областной геронтологический центр, г. Воронеж
E-mail: fzm@promtextile.ru

Рассматриваются теоретические и практические аспекты клинико-психологического подхода к терапии творческим общением с литературой в геронтопсихологической практике. Представлен клинико-психологический анализ жизненного и творческого пути М.М. Пришвина как пример структурирования занятия в группах терапии творческим общением с литературой.

Ключевые слова: терапия творческим самовыражением, субъективная картина мира, аутистически-замкнутый характер, поздний возраст

Введение

Истоки терапии творчеством можно обнаружить уже в духовном наследии древних цивилизаций. Например, в эпоху древнегреческой архаики миф не только концентрировал в себе синкретическое знание о мире, но и выступал в роли целенаправленного воздействия культуры на психику человека. Терапевтическое влияние мифа состояло, прежде всего, в том, что он помогал разрешить интрапсихическое противоречие между субъективной реальностью человека и «логосом» — некоторой дифференцированной, расчлененной силой, отчужденной от человека, но способной воздействовать на него. Миф в Древней Греции как выражение субъективного отношения человека к миру противопоставлялся логосу; разум, сознание — объективному отношению — «говорению вещами» [11]. Античный театр можно также причислить к одному из первых психотерапевтических приемов воздействия искусством. Аристотель полагал, что одна из главных целей и одно из следствий трагедии — это катарсис — очищение страстей, посредством сострадания и страха в момент их возникновения у зрителя, который идентифицируется с трагическим героем [14].

Упоминание о применении в лечебных целях литературных произведений можно найти в отечественных работах как по психиатрии, так и по библиотечному делу, относящихся к XIX столетию. Так, П.П. Малиновский полагает, что пациентов психиатрических клиник наряду с лечением «гигиеническим» и лечением «аптечным» следует подвергать и лечению посредством «впечатлений». К последним он относит путешествия, рисование, рукоделие, садоводство, а также чтение [9]. В учебнике «Общая терапия» (1836 г.) русского врача И.Е. Дядьковского чтению отводится одно из главных мест среди психотерапевтических методов лечебного воздействия. Киевский библиотекарь П.П. Должников называет книгу «аптекой для души» [8].

В XX в. интерес к изучению воздействия чтения литературных произведений на психику отмечается в плоскости и психологической науки, и медицинской. В 1916 г. на стыке психологии и литературоведения Н.А. Рубакиным, писателем и библиографом, в Женевском педагогическом институте предпринята попытка создания нового направления в науке — *библиопсихологии*. Целью новой науки Н.А. Рубакин провозглашал исследование социально-психологического воздействия книги, но при этом не ставил перед библиопсихологией задачу систематизации и разработки «целебных» приемов влияния книги на ее читателя. Сфера научных поисков ограничивается у него описанием социопсихотипов массового читателя и определением эффективного механизма формирования мотивации к чтению литературы, имею-

щей художественные достоинства или отражающей достижения научной мысли [8]. В 1967 г. в СССР открывается первый кабинет библиотерапии при санатории «Березовские минеральные воды». Заведующая этим кабинетом библиограф А.М. Миллер на протяжении более двух десятилетий разрабатывала теорию и методику нормализации и оптимизации психического состояния пациента путем чтения пациентом специальным образом подобранной литературы. В выработке индивидуальной системы чтения, имеющей психотерапевтическое действие, А.М. Миллер основную роль отводила максимальному сходству сюжетной и смысловой линий литературного произведения с актуальной жизненной ситуацией, в которой находится пациент [13]. В настоящее время в психологии коррекционно-развивающие воздействия библиотерапии условно разделяют на неспецифические и специфические. К неспецифическим относят воздействия, характеризующиеся широтой и универсальностью своего влияния на все стороны личности и имеющие своим результатом, например, успокоение, эстетическое удовольствие, стабилизацию чувства уверенности в собственных силах и т.п. Специфические имеют более узкую специальную направленность на личность или на какой-либо психический процесс — это контроль, эмоциональная проработка, тренировка и разрешение интра- и интрапсихического конфликтов [13].

В отечественной психотерапии концепция применения «лечебного чтения» разрабатывалась и В.Е. Рожновым, и А.Е. Алексейчиком, но наиболее полное свое воплощение она нашла в терапии творческим самовыражением (ТТС), клиническом направлении терапии искусством, родоначальником которого является М.Е. Бурно [5]. Терапия творческим общением с литературой, искусством, наукой — это неотъемлемая составляющая ТТС, одна из ведущих ее психотерапевтических методик. «Это не просто чтение рассказов, созерцание картин, а осознанное творческое, целебное изучение произведений литературы, искусства, науки для поиска, уточнения своего жизненного пути» [5, с. 150]. «Высвечивание» и осознание самобытности своего личностного портрета у пациента, проходящего курс ТТС, происходит посредством соотнесения своей «душевной организации», нахождения созвучного и чуждого в характерологическом рисунке автора и героев литературного произведения, которое оказало на него эмоционально активизирующее влияние [5]. Творческое общение с литературой в рамках ТТС помогает также смягчить тревожную напряженность у дефензивного пациента, осознать суть душевного конфликта, «купировать» субдепрессивные состояния, пробудить желание к творческой деятельности, отчетливее увидеть свой путь в жизни и наполнить ее смыслом.

**Теоретико-методологические основы
клинико-психологического подхода
терапии творческим общением с литературой**

Психологическое и клиническое направление в библиоте-терапии развивались параллельно, не вступая в открытый антагонизм, но и недостаточно обогащаясь одно другим. Между тем, применение «исцеляющего чтения» в психологической и психотерапевтической практике должно вестись с учетом не только клинической картины «душевных затруднений», но и при комплексном рассмотрении нормативно-возрастных особенностей развития личности, феноменологического и социально-психологического контекста ее актуальной жизненной ситуации. Необходимость учета полной «палитры» субъективной и объективной сторон душевной жизни, которые в конкретном человеке из плоти и крови находятся в неразрывном единстве, становится наиболее очевидной при терапевтической работе с лицами пожилого и старческого возраста.

Терапевтическая ценность творческого общения с литературой обуславливается, в первую очередь, сущностью природы креативного механизма как такового. Активность человека — это всегда преобразующая, а не приспособительная активность, т.е. творчество в самом широком смысле этого слова. В акте творчества человек как бы заново воссоздает окружающий мир сообразно своему «Я». Кроме того, как отмечает Л.И. Анцыферова, «особое направление творчества человека — это созидание им себя, своего внутреннего мира, собственной душевной жизни» [3, с. 357]. Творческий диалог с произведениями искусства представляет собой, в таком случае, процесс сотворчества собственного «жизненного пространства» — идентификацию с личностью автора и его творением или, напротив, невозможность подобного слияния, помогает человеку отчетливее, более ясно увидеть, почувствовать устойчивые грани собственной личности (характерологический радикал), уникальность и неповторимость своего «Я».

Клинико-психологический подход в терапии творческим общением с литературой, разрабатываемый нами для геронтопсихологической практики, представляет собой адаптированный вариант ряда терапевтических методов ТТС к поздним этапам онтогенеза личности.

Большинство исследователей в области психологии старения сходятся во мнении, что главным нормативно-возрастным кризисом позднего возраста является установление смыслов и значений событий своего жизненного пути [2, 7, 22]. Э. Эриксон, например, рассматривает кризис старости как закономерный и последний кризис идентичности, негативным исходом которого выступает «отчаяние», а позитивным — «целостность эго», т.е. принятие человеком «своего единственного неповторимого цикла жизни как чего-то такого, чему суждено было произойти и что, по необходимости, не допускало никаких замен» [23, с. 257].

Р. Пэк, расширив характеристику становления личности во второй половине жизни, данную Э. Эриксоном, выделяет еще три измерения человеческой жизни, приобретающих особое значение в период поздней зрелости: «эго против поглощенности ролями», «трансценденция тела против поглощенности телом», «эго против поглощенности эго» [21]. И, согласно этим двум упомянутым исследователям, гармоничное разрешение кризиса идентичности увенчивается переживанием чувства целостности, окрашенного слегка реалистическим отчаянием. В этом случае человек встречает старость без страха, переступает через близкую перспективу собственной смерти, осознавая, что молодое поколение несет в себе частицу их наследия — наследия, которое их переживает.

Если Э. Эриксон и Р. Пэк выстраивают свои концептуальные положения о нормативно-возрастном кризисе позднего онтогенеза в психоаналитической, неофрейдистской традиции, то в отечественной психологии говорят о кризисе самосознания личности, переструктурировании пожилым человеком ««Я»-концепции» [2]. Л.И. Анцыферова полагает, что оптимальный путь упорядочивания душевных коллизий, сопряженных с процессом старения, — это утверждение личностью нравственных ценностей [3]. Позитивный итог разрешения кризиса самосознания в позднем возрасте Г.С. Абрамова видит в обретении человеком целостности переживания собственной жизни, а Н.Ф. Шахматов — в его согласованном отношении к прошлому, настоящему и будущему, удовлетворенности актуальной жизненной ситуацией [1, 22]. «Спокойное и созерцательное отношение к собственному старению, к тому, что оно несет с собой, открытие новых радостей в жизни — все это, по сути, составляет комплекс свойств, получивший название *старческая мудрость* [22, с. 69]. Психологическая потребность пожилых людей в воспоминаниях и размышлениях о прошлом, переоценке накопленного опыта, с точки зрения Г. Крайга, является неотъемлемым элементом адаптационного процесса к заключительному этапу жизни. «Перелистывая страницы» своей памяти, человек ищет подтверждения непрерывности и целостности своего «Я» — «Я тот, кем был всегда» [6].

Между тем, нормативно-возрастные кризисы у каждого конкретного человека протекают сообразно его индивидуальной картине мира, характеру, его личностным особенностям. При терапевтической работе с лицами позднего возраста необходимо учитывать, что не существует среднестатистического нормативного кризиса старости, как нет и не может быть «нормальной» личности. Русский психиатр П.Б. Ганушкин в связи с этим писал: «Когда говорят о «нормальной личности», то сплошь и рядом забывают, что соединение двух таких терминов, как «личность» или «индивидуальность», с одной стороны, и «норма» или «средняя величина», с другой, — такого рода соединение грешит внутренним противоречием (...) Слово *личность* именно подчеркивает индивидуальное в противоположность схеме, норме, середине» [20, С. 494—495].

Клинико-психологический подход в терапии творческим общением с литературой предполагает рассмотрение художественного произведения как выражение доминантных аспектов психологической реальности (субъективной картины мира), характера и стратегии освоения возраста его автором в их неразрывном единстве.

Следует более подробно остановиться на таких понятиях, как *субъективная картина мира* («психологическая реальность») и *характер*, так как их понимание различается с психологической и клинической точек зрения.

Мир, в котором существует человек, его психологическая реальность являются субъективным (когнитивно-эмоциональным) отражением объективной действительности сообразно его личностным особенностям, индивидуальности (совкупности биологических и социальных признаков, отличающих его от других людей). Субъективная картина мира формируется и претерпевает изменения на протяжении всего жизненного пути личности. Содержательные компоненты психологической реальности, такие, как ценности, идеалы, нормы поведения и т.д. возникают благодаря активным выборам человеком элементов и контекста своего бытия. Ошибочно было бы утверждать, что биологическое и социальное — это два основных фактора, определяющих *мир личности*. Биологические особенности человека и его социальная ситуация являются лишь условиями возникновения и структури-

рования пространства субъективной картины мира путем разрешения внутренних противоречий самой личностью, установления границ между «Я» и окружающей действительностью. В случае психопатологии можно наблюдать аморфность психологической реальности пациента, полное или частичное отчуждение «Я» от мира, отсутствие непрерывности переживания своего существования и ряд других метаморфоз душевной жизни. Игнорирование биосоциальных условий, в которых происходит патологическое искажение субъективной картины мира личности, побуждает, например, экзистенциалистов, в частности Л. Бинсвангера, трактовать шизофренический процесс как определенный способ бытия-в-мире, особый модус существования человека.

Психологическая реальность и характер человека диалектически взаимосвязаны и, по сути, представляют собой «две стороны одной медали». Как невозможно представить себе нормативную личность с идеальной душевной жизнью, так и весьма затруднительным представляется описание «нормального характера». «Когда говорят о наличии у кого-либо того или другого определенного характера (...), то ведь тем самым, конечно, указывают на известную односторонность его психической организации, тем самым дают понять о наличии в сфере его психики известной дисгармонии, об отсутствии равновесия во взаимоотношении отдельных сторон его душевной деятельности. Ведь если бы мы имели под наблюдением человека с идеально-нормальной психикой (...), то едва ли бы можно было говорить о наличии у него того или другого «характера» [20, с. 495]. Приведенная цитата из работы П.Б. Ганнушкина «Психиатрия, ее задачи, объем и преподавание» наилучшим образом объясняет отсутствие в психологической науке типологий «нормативных» характеров, так как изучение и описание характера невозможны без привлечения данных клинической психиатрии. Бесплодным нам представляется «спор» психологического и клинического методологических подходов к исследованию характера, где первый постулирует положение, что характер складывается в процессе онтогенеза индивида, а второй полагает его врожденным качеством. Определяя *характер как сочетание наиболее устойчивых свойств личности, проявляющихся в поведении человека и определенном отношении его к окружающей действительности и к самому себе*, становится очевидным невозможность отделения конституциональных его компонентов от социально обусловленных [10, с. 71]. Характер — это тот феномен, который упорядочивает конфигурацию личности, подчеркивает ее индивидуальность, являясь одновременно выражением существенных сторон психологической реальности человека и фактором, оказывающим влияние на становление и изменение его субъективной картины мира в течение жизни. В связи с этим в обобщенном клинико-психологическом понимании «характер конкретного человека есть его душевно-телесная индивидуальность» [4, с. 8]. А, следовательно, правомерно анализировать уникальный мир личности в соотношении с тем или иным типом характерологического радикала, выделенным в ТТС на клиническом материале, а также проследить, как характер преломляется, наполняется индивидуальным содержанием в пространстве психологической реальности человека.

Пример организации занятий в рамках терапии творческого общения с литературой

Рассмотрим основные процессуальные аспекты применения клинико-психологического подхода в терапии творчеством на примере организации «целебного» общения лиц позднего возраста с литературным миром М.М. Пришвина.

Ведущая форма работы в предлагаемом подходе — групповая. Между тем, любое психологическое воздействие на лицо преклонного возраста должно начинаться с индивидуальных консультаций с психологом, которые выполняют диагностическую и подготовительную функцию к групповой терапевтической работе. При этом следует учитывать, что продолжительность индивидуальных занятий зависит в каждом конкретном случае от индивидуально-психологических особенностей пожилого человека и степени выраженности специфических возрастных изменений личности, таких, как замедление общего темпа психической деятельности, психическая ригидность, эгоцентризм и эмоциональная неустойчивость, сужение объема восприятия и внимания и повышенная личностная тревожность [12]. После того, как определена степень пригодности и подготовленности к групповой работе, пожилой человек направляется в группу терапии творческого общения с литературой.

Группа терапии творческого общения с литературой — это скорее клиническая группа, разновидность группы творческого самовыражения, чем психологически-ориентированная (тренинговая) группа. Познание собственной индивидуальности и душевных затруднений в клинической группе идет не от общих психологических норм жизни, не от мнения членов группы и ее руководителя, а на основе клинического, психолого-типологического просвещения, не требуя при этом от участников терапии глубокого взаимодействия между собой и самораскрытия.

Погружение в литературный мир М.М. Пришвина начинается с изложения психологом основных вех жизни писателя, его литературного творчества, рассмотренного через призму характерологических и индивидуально-психологических характеристик его личности.

М.М. Пришвин родился в 1873 г. в Ельце. Отец будущего писателя происходил из купеческой семьи, владел помещьем, проиграл его в карты, оставив жену с пятью детьми без средств к существованию. Матери Пришвина пришлось приложить много сил и труда, чтобы выкупить имение и дать достойное образование детям. Уже в ранние годы жизни у Михаила Михайловича можно констатировать идеалистическое мироощущение, для которого характерно доминирование субъективной психологической реальности, особое сказочно-поэтическое видение мира. Истоки такого мировосприятия и мироощущения можно обнаружить в ярких впечатлениях детства писателя. Одно из них, бесспорно оказавшее влияние на формирование характера Пришвина, — это последнее воспоминание об отце. За день до своей смерти отец подарил ему свой рисунок карандашом — на нем были изображены какие-то необыкновенные животные в елочках и подпись: голубые бобры. «Я был еще совсем маленьким, когда умер мой отец, и до того еще был неразумным, что событие смерти отца (...) не переживал глубоко. Если теперь говорю, что жалею отца, то не его именно жалею, а того отца, кто мог бы своим вниманием указать мне в жизни истинный путь. Всю жизнь я чувствовал недостаток такого отца, и, как кажется, в своих скитаниях и по земле, и по людям, и по книгам я искал себе такого отца-наставника» [17, с. 3].

Стремление к «небывалому», к открытию новых территорий и стран отражает и побег Пришвина в «Азию», который он предпринял, будучи уже учеником гимназии. Но в Азию не как определенную географическую точку на Земном шаре, а как побег в «небывалое», в Азию, существовавшую лишь в воображении и в душевных ощущениях будущего писателя. Наполнение окружающей действительности (людей, природы, вещей и т.д.) содержанием собственной психологической реальности главным образом и определи-

ло вектор развертывания личностного и творческого пути М.М. Пришвина. Например, идеалистическое мироощущение Пришвина как человека и как писателя вскрывают такие строки, вышедшие из-под его пера: *«Громадные желтые звезды догнали луну, распахнулись в золотой одежде низко-пренизко, и если бы мальчик ловил звезды сачком, как бабочек, то непременно поймал эту распахнувшуюся звезду... И может быть, где-нибудь, в самом деле, где только песок желтый-желтый, и воздух чистый-чистый, и тишина... И там в особые минуты, в полночь, звезды спускаются к самой земле... и там, быть может, совсем маленькие чистые дети бегают с сачком в руках и ловят эти звезды, и опять пускают. Ловят и пускают... И так до утра...»* [19, с. 82].

Превалирование субъективной психологической реальности над объективной данностью мира характеризует склад личности М.М. Пришвина как замкнуто-углубленный. Аутистическое отношение к окружающей действительности — это всегда самобытное «облачение» вечного, изначального, бесконечного Духа в «одежды» материн. Для М.М. Пришвина это Дух соотносится с Природой, Творчеством, Поэзией: *«...сущность жизни есть тоже поэзия, или, вернее, что, конечно, поэзия есть поэзия, а жизнь есть жизнь. Но поэзию человеку можно сгустить в жизнь, то есть что сущность поэзии и жизни одна, как сущность летучего и сущенного твердого воздуха»* [19, с. 218].

Купеческое происхождение и родственные связи с представителями российского капитализма не помешали молодому М.М. Пришвину принять активное участие в работе революционного марксистского кружка, последствием чего в 1897 г. стал арест и год заключения будущего писателя в одиночной камере Митавской тюрьмы города Елгакова. Между тем, идеи К. Маркса о переустройстве мира и А. Бабеля об экономическом освобождении женщины (Пришвин перевел его книгу «Женщина в прошлом, настоящем и будущем» на русский язык) были для М.М. Пришвина лишь инструментом, которым ему мыслилось возможным «разрубить» «Кашееву цепь», сковавшую Россию. Сказочный образ Кашеевой цепи, возникший еще в воображении Пришвина-мальчика, а не политические убеждения будущего писателя, стал истинной причиной нелегальной деятельности М.М. Пришвина в марксистском кружке. Аутистическая сказочно-метафорическая цепь Кашея в дальнейшем стала для М.М. Пришвина индивидуально-личностной философской дилеммой свободы и необходимости, которую своим творчеством он пытался разрешить в зрелые годы: *«Свобода — это если хочут по шее, а необходимость, когда он шею натирает»* [17, С. 274—275]. Сам писатель спустя многие годы оценивал свой конспиративный опыт весьма скептически: *«Мое положение в подпольной работе было почти как положение слепого на военной стрельбе. Я был чрезвычайно доверчив, влюбчив в человека, не умел вовремя догадываться о нужном, когда все молчат, плохо выдерживал в себе мысль, болтал»* [17, с. 4].

Но наиболее полно характер М.М. Пришвина, вехи его личностного и творческого пути отражают взаимоотношения с В.П. Измаковой — неразделенная любовь, верность которой писатель хранил почти 40 лет. В автобиографическом романе М.М. Пришвина «Кашеева цепь» она возникает под именем Инны Ростовцевой. Знакомство со своей будущей возлюбленной у М.М. Пришвина произошло в 1902 г. в Париже. В романе Алпатов (прототип М.М. Пришвина) знакомится с Ростовцевой в период отбывания наказания в Митавской тюрьме. Это событие описано М.М. Пришвиным следующим образом: начальник тюрьмы передает Алпатову письмо от «невесты», хотя в действительности у него никакой невесты не было. Письмо от прекрасной незнакомки,

где были такие слова: *«Очень надеюсь, что прямо после Пасхи тебя выпустят. Встретимся за границей и там будем эжениваться. Любящая тебя Инна Ростовцева»* — преобразило все мировосприятие Алпатова [18, с. 296]. *«Таинственные фиолетовые слова на бумаге нащептали Алпатову, что везде человек, что мороз не старик, а молодой охотник, бродит днем по голубым следам на снегу, ночью по небесным следам. Луна — это Морозова Прекрасная Дама. Только молодой охотник, переходя с земных следов на небесные, перенес, наверно, свои земные страсти с собой: вдруг закрылась луна и все звезды. Не потому ли все и закрылось, что охотник посянул на свою невесту: детей от прекрасной Дамы иметь никому не дано»* [18, с. 298]. Что перевернуло весь душевный мир Алпатова? Любовное письмо-признание и короткая встреча в тюремной комнате для свиданий со своей «невестой», скрытой под густой вуалью, не позволяющей разглядеть черты лица. Алпатову запомнился только голос Ростовцевой, который он будет неутомимо искать по самым разным уголкам Европы. Отчетливый яркий образ своей возлюбленной — это лишь плод воображения, запечатленной в душе писателя на многие годы. *«Женщина протянула руку к арфе, тронула пальцем, и от прикосновения пальца ее к струне родился звук. Так было и со мной: она тронула и я зашел»* [17, с. 4]. Художественный вымысел и биографические факты взаимоотношений с В.П. Измаковой (И. Ростовцевой) настолько переплетены между собой, что становится очевидным — для замкнуто-углубленного М.М. Пришвина они неразделимы по своей сути и являются отражением единой реальности его любви к этой женщине.

1905 г., запись в дневнике писателя: *«Что было бы, если бы я сошелся с той женщиной. Непременно несчастье: разрыв, ряд глупостей. Но если бы (то было бы чудо) мы устроились... да нет, мы бы не устроились. Я люблю тень той женщины и не знаю, мог бы узнать на улице или нет. Я по привычке всегда ищу ее глазами в петербургской толпе, но никогда не нахожу»* [17, с. 11].

1913 г.: *«Раз в своей жизни видел я Бога. Это было, когда мы встретились весной. Сколько было света! Какая чистая, тихая вода в озерах. Какие волшебные зеленые светящиеся деревья были вокруг озер!»* [17, С. 58—59].

1914 г.: *«Вот прошла большая полоса моей жизни, двенадцать лет под гипнозом... Конечно, победила она и тем именно, что я перестал верить в нее, потому что теперь я уже знаю наверно, что это я творил ее. Та фантастическая женщина, которой посвящены мной эти двенадцать лет, похожа на страшное зеркало, в котором самый хороший человек все равно будет с кривой рожей. Есть такая особенная точка в сердце, возле которой все нажитое изо дня в день с великим трудом меркнет, и всякая жертва не принимается и отвергается. Но ведь может быть все-таки зеркало это не криво?»* [17, С. 59—60].

И еще одна запись в дневнике М.М. Пришвина, датированная 1928 г.: *«Закончена в отделку «Кашеева цепь». Роман был начат в 1922 году, значит, писался 6 лет. В основу второй части, где изображается любовь, положено личное переживание в 1902 году. Единственное сохранившееся письмо моей невесты с отказом мне во все время писания лежало под руками и давало мне силу писать. По возвращении из Питера, когда откроется земля, я похороню его в землю, и это место будет могилой моей любви. Я твердо верил, что этот роман будет жить взамен нашего ребенка»* [17, С. 147—148].

Разрыв так и не сложившихся целостно полнокровно-чувственных любовных отношений с В.П. Измаковой послужил в начале причиной сильного душевного срыва М.М. Пришвина — субдепрессивное состояние, суицидальные мысли, навязчивые страхи, а спустя 3 года — мощным

стимулом для духовного возрождения в литературном творчестве. Первый рассказ М.М. Пришвина «Сашок» был опубликован в 1906 г. О своем первом писательском опыте М.М. Пришвин вспоминает так: «...однажды на глухом полустанке, терзаемый одиночеством и тоской (...) я выдумал себе немного пописать: взял лист бумаги и стал писать какие-то воспоминания своего детства. И вдруг увлекся: радостное волнение впервые охватило меня, и я не заметил, как пробежали томительные часы ожидания (...) Тут-то я опомнился, и радость моя стала еще больше: я понял, что совершилось величайшее открытие в моей жизни, — мне теперь нечего бояться себя и своего одиночества (...) Теперь я только и ждал, чтобы остаться наедине, затвориться в себе и, в самом себе разгораясь, выходить из своего одиночества в широкий мир» [17, с. 5].

Главная тема литературного творчества М.М. Пришвина — это Природа, воплощающая для писателя и вечный изначальный Дух, и сокровенные уголки человеческой души. «Природа — это любовь, а человек — это что из любви можно сделать» [19, с. 26]. «Гармония, это когда в природе человек находит соответствие своей душе» [19, с. 6].

Обучение в Лейпцигском университете на агрономическом отделении философского факультета, затем работа агрономом на Родине, экспедиция на Север по совету этнографа Л.Е. Ончукова, с поручением Русского географического общества, для сбора сказок, итогом которой стала первая книга М.М. Пришвина «В краю непуганых птиц». Это лишь некоторые основные отрезки пути, которые преодолел писатель в поисках «территории» своей души, раскрытии и творческого выражения собственного «Я». В первой книге М.М. Пришвина, вышедшей в 1907 г., реализовался новый для русской литературы поворот натурфилософской темы «человек и природа». В ней сказались особенности творчества М.М. Пришвина, которое находится одновременно в пространстве науки и искусства. Объективность изображения, научная точность историка, географа, этнографа, достоверность деталей сочетаются с аутистически-поэтическим, пантеистическим восприятием мира. В 1907 г. М.М. Пришвин отправляется в новое путешествие на Соловки, «путешествие в страну без имени, без территории, куда мы в детстве бежим», и на свет появляется новая книга — «За волшебным колобком». Это литературное произведение также этнографично, однако в поиске неведомой страны отчетливо звучит мотив сказки. «Сам же Пришвин понимает сказку как творческую мечту, без которой не может быть у человечества никакого движения к лучшему. Таким образом, способность творить сказку и осуществлять ее по правде — это и есть величайшая созидательная сила человека. Сказка осуществляется и открытиями науки, и созиданием произведений искусства, и созиданием прекрасного в самой бытовой повседневности. Вот почему поведение творческого человека нельзя судить по старым образцам и мерить его жизнь и работу на общий аршин. Для суда нужно, чтоб прошло время. Так думает Пришвин, он это узнал по собственному опыту жизни» [19, с. 73].

Книга «За волшебным колобком» принесла М.М. Пришвину литературную известность. Писатель завязывает личные отношения с М. Горьким, А. Толстым, А. Блоком, А. Ремизовым, Д. Мережковским. И в биографии писателя еще не раз можно встретить упоминания о новых «экспедициях» в самые отдаленные уголки России, откуда он привозил впечатления и путевые заметки, служившие материалом для новых литературных произведений. «Что же это нас манит в природе? Откуда гармония? Думаю, что манит нас творчество, в котором находятся все живые и неживые существа мироздания... Мне кажется, что всю природу можно найти в душе человека со всеми лугами, цветами, го-

лубями и крокодилами. Но всего человека вместить в природу невозможно; и не закопаешь всего, и не сожжешь огнем, и не утопишь в воде. Гордиться тут особенно нечем, — вся природа всем составом своим сотрудничает с человеком в создании слова как высшей формы. И в этом смысле слово человеческое много значительнее солнца, от которого как будто рождается вся жизнь на земле» [19, с. 152—153].

Первый этап творческого самовыражения М.М. Пришвина посредством открытия созвучного своей душе в Природе и путешествий в поиске «небывалых стран» сочетается с постоянным внутренним диалогом писателя со своей безвозвратно потерянной возлюбленной, ставшей его Музой на многие десятилетия. Второй этап — это творческая зрелость, создание нового жанра в литературе — поэтической новеллы, и зрелость личностная — открытие «небывалого» в повседневной жизни, обретение Дома, нового созидющего чувства любви к женщине. «Долго, страстно и жадно метался он в поисках «края непуганых птиц» — так он называл для себя свою мечту о добре жизни, о прекрасном. Потом он понял очень простое: прекрасное, или, как он говорит, «небывалое», можно найти в обычной жизни, надо только научиться видеть. Весь секрет, оказывается, во внимании. Человек, вооруженный таким пристальным вниманием, не бежит за мечтой, а останавливается прочно на месте — становится на свой корень», — и мир начинает сам ходить вокруг него. Вникая в смысл знакомых, казалось бы, предметов, человек постигает самую суть жизни, ее разнообразие, ее богатство и может об этом рассказать людям. Мечта человека находит себе очень близко свой дом, иногда рядом» [19, с. 149].

Гармонии и умиротворения в собственной душе, построения непротиворечивой концепции субъективной картины мира М.М. Пришвин достиг, лишь переступив порог 60-летнего возраста. И, как в самом начале писательского пути, немаловажную роль в процессе личностного и творческого становления М.М. Пришвина в поздние годы сыграла любовь к женщине. Встреча в 1940 г. с Валерией Дмитриевной Лебедевой, впервые появившейся в его квартире в качестве помощницы-секретаря от Литературного музея, открывает новую веху в жизни М.М. Пришвина. «То, во что мы верим в детстве и ранней юности, в какое-то настоящее, в глубине нашей души навсегда остается, только мы, взрослые, серьезно не верим, что это настоящее возможно здесь, на земле. Так я ждал свою настоящую невесту и постепенно терял надежду в том, что Настоящая может встретиться в жизни, а не существует только в поэзии, как Прекрасная Дамы. Я еще никак не могу окончательно увериться в том, что это пришла Настоящая» [17, с. 282]. «Моя любовь к ней есть во мне такое «лучшее», какое в себе я не подозревал никогда. Я даже в романах о такой любви не читал, о существовании такой женщины только подозревал. Песня всей моей жизни, такая долгая, такая настойчивая и упрямая, привлекла ко мне славу: она вызвала ко мне из хаоса любовь человека» [17, с. 283]. «И еще один морозно-солнечный день. Хотя внутри все повертывается по-разному, но средняя линия — это полная уверенность в своей правоте и совершенное спокойствие: без этой встречи моя жизнь была бы непонятной. Теперь в моей жизни было две звезды — звезда утренняя (29 лет) и звезда вечерняя (67 лет) и между ними 36 лет ожидания. 40-й год загад: крест или «приди!», и она пришла, и жизнь моя стала прозрачной и ясной» [17, с. 285].

Чувство М.М. Пришвина к В.Д. Лебедевой носит яркий отпечаток любви человека аутистически-замкнутого характера. Для М.М. Пришвина любовь — это нечто изначальное и вечное. Любовь отдельного человека есть лишь капля, почерпнутая из неиссякаемого универсального источника вселенской Любви. Любовь для писателя предстает и как всеобъем-

лющее космическое чувство, и как идея, теоретический конструкт, и как субъективное отношение одного человека к другому. И всю палитру своих переживаний, связанных со встречей с В.Д. Лебедевой, М.М. Пришвин рассматривает через призму собственной концепции любви. «Ляля мне представляется единственной, что на свете другой подобной быть не может. Но сегодня на почте я видел одну барышню с глазами, похожими на Лялины, и мне подумалось: «А может быть, это я создаю Лялю, как единственную в мире женщину, на самом же деле такие «ляли» встречаются? Может быть, и все так, кто любит, порождает из себя те прелести, которые я приписываю одной Ляле? Может быть, эта ее любовь кажется такой исключительной только потому, что я никакой любви не испытывал и мне «все благо»?». Принимаю, что так, но вместе с тем и утверждаю, что на земле у людей существует великая любовь, единая и беспредельная. И в этом мире любви, предназначенной человеку для питания души в той же мере, как воздух для крови, я нахожу единственную, которая соответствует моему собственному единству, и только через это соответствие единства с той и другой стороны вхожу в море всеобщей любви человеческой. Вот почему даже самые примитивные люди, начиная свою короткую любовь, непременно чувствуют, что не им одним, а всем хорошо на земле жить, и если даже очевидно, что хорошая жизнь не выходит, то все-таки возможно человеку и должно быть счастливым. И так, только через любовь можно найти себя как личность, и только личностью можно войти в мир любви человеческой» [17, с. 287].

Неотделим от позднего творчества и личности М.М. Пришвина его дом в Дунино, который стал не просто последним пристанищем писателя, а экстерниоризацией территории его души. «Кроме литературных вещей, в жизни своей я никаких вещей не делал и так приучил себя к мысли, что высокое удовлетворение могут давать только вещи поэтические. Впервые мне удалось сделать дом как вещь, которую все хвалят, и она мне самому доставляет удовлетворение точно такое же, как в свое время доставляла поэма «Женьшень». В этой «литературности» моего дома большую роль играет и то, что вся его материя вышла из моих сочинений и нет в ней ни одного гвоздя несочиненного. Так мое Дунино стоит теперь в утверждение единства жизни и единства удовлетворения человека от всякого рода им сотворенных вещей: все авторы своей жизни, и всякий радуется своим вещам» [19, с. 151—152].

По классификации старения, предложенной Д.Б. Бромлей, личностные трансформации М.М. Пришвина на поздних этапах жизненного пути можно отнести к конструктивному типу. «Вот счастье бывает какое — дожить до преклонного возраста и не склоняться, даже когда согнется спина, ни перед кем, ни перед чем, не отклоняться и стремиться вверх, наращивая годовые круги в своей древесине» [17, с. 270]. Данный тип старения характеризуется уравновешенностью субъективной картины мира, стабильным фоном настроения, удовлетворенностью эмоциональными контактами с окружающими людьми. «Старость бывает разная, одни старики «впадают в детство», другие постепенно, сознательно и радостно возвращаются к нему» [17, с. 416].

При конструктивном типе старения констатируется оптимистическая позиция личности, а приближающаяся смерть трактуется как естественное событие, неизбежный факт завершения жизненного цикла. «Смерть — это налог на живого человека в пользу будущей жизни» [17, с. 278].

Самооценка лиц позднего возраста, относящихся к этому типу, устойчива и достаточно высока. Депрессивных, гипостимуляционных и гиперстимуляционных нарушений не выявляется [3].

О гармонии с миром и с самим собой, которой достиг М.М. Пришвин в поздние годы жизни, например, К.Г. Паустовский писал так: «Жизнь Пришвина — пример того, как человек отрешился от всего наносного, навязанного ему средой, и начал жить только «по велению сердца». В таком образе жизни заключается величайший здравый смысл. Человек, живущий «по сердцу», в согласии со своим внутренним миром, — всегда созидатель, обогатитель и художник» [15, с. 205].

Последняя тема творчества М.М. Пришвина, так до конца и не разработанная писателем, — это «искусство как поведение». М.М. Пришвин приходит к мысли, что «для творчества не надо родиться непременно великим человеком и что создаваемая нами в творчестве форма — все равно книга, сад или машина — есть форма совершенного и длительного общения людей» [18, с. 501]. Произведение искусства — это не объективация таланта, который, согласно М.М. Пришвину, есть общее свойство почти всех людей, а, прежде всего, отражение поведения его творца — «...не талантом один человек отличается от другого, а поведением» [18, с. 548]. «Искусство состоит в борьбе своего собственного «хочется» со своим же собственным «надо» [18, с. 571]. В 1950 г. он записывает в своем дневнике: «Содержание художественного произведения определяется только поведением самого художника... содержание есть сам художник, его собственная душа, заключенная в форму» [19, с. 250]. В 1953 г. М.М. Пришвин находит краткое и точное определение: «Поведение у меня, скорее всего, означает долг быть самим собой...» [19, с. 250].

К восьмидесятилетию писателя была издана книга «Весна света», включающая в себя произведения, созданные М.М. Пришвиным в разные годы жизни. Обращаясь в послесловии к читателю, М.М. Пришвин писал: «достигнув старости, ни за что не хотел бы променять ее на молодость». «К концу моего восьмидесятилетия собралось множество поздравительных писем и телеграмм. Они принесли мне позеленение долгих лет жизни. Я благодарил всех, а сам думал про себя: «Я теперь опираюсь не на количество лет, а на качество дней своих». Дорожить надо каждым днем своей жизни» [16, с. 591]. Глубокой осенью 1953 г., своей последней осенью, М.М. Пришвин сделал запись в дневнике, в которой ему удалось выразить итог своих духовных поисков, самую суть собственной философии жизни: «Осень в деревне тем хороша, что чувствуешь, как быстро и страшно проносится жизнь, ты же сам сидишь где-то на пне, лицом обращенный к заре, и ничего не теряешь — все остается с тобой» [17, с. 144].

М.М. Пришвин ушел из жизни в 1954 г. Последняя запись в дневнике писателя: «Деньки вчера и сегодня (на солнце -15°) играют чудесно, те самые деньки хорошие, когда вдруг опомнишься и почувствуешь себя здоровым» [17, с. 458]. И приписка, сделанная В.Д. Пришвиной: «...16 января около половины второго ночи Михаил Михайлович скончался от рака желудка в припадке сердечной недостаточности» [17, с. 478].

В завершении клинико-психологического анализа личностного и творческого пути М.М. Пришвина следует отметить следующее. Во-первых, нормативно-возрастные кризисы развития личности подросткового, юношеского возраста, а также ранней зрелости и кризис середины жизни не были разрешены писателем позитивно. У Пришвина — подростка и юноши — обнаруживается формирование негативной «Я»-концепции, по выражению Э. Эриксона, — «спутанность ролей» [23]. В ранней молодости отсутствовало нормативное для данного возрастного периода жизни индивидуума установление полноценных интимно-личностных взаимоотношений с лицами противоположного пола, адаптивная форма профессионального самоопределения. Кризис середины жизни писателя — это, в сущности, навязчивое по-

вторение психологических коллизий самоопределения личности в юношестве, отсутствие оптимальных путей их трансформации в зрелые стратегии жизнедеятельности личности.

Подростковый «бунт», несогласованность содержания субъективной картины мира с объективной действительностью, окружающей М.М. Пришвина, прослеживаются вплоть до 30-летнего возраста. Именно в этом возрасте М.М. Пришвин совершает первую осознанную попытку компенсации внутренней неудовлетворенности творческой деятельностью. Основная причина, по которой М.М. Пришвин не мог преодолеть инфантильный образ мира и своего «Я», кроется в аутистично-замкнутой природе его характера, постоянно вступающей в противоречие с окружающей действительностью. В дальнейшем конфликт между «территорией души» и миром вокруг был устраним через активное самовыражение субъективной психологической реальности в литературном творчестве. Проецирование когнитивных и эмоциональных компонентов своего «Я» на природу, преломление в ней и последующая их ассимиляция во внутреннее пространство своей личности расширяло «территорию души», помогало находить М.М. Пришвину адаптивные стратегии конструирования жизненного пространства соотносительно природе своего аутистично-замкнутого характера.

Идеалистическое мироощущение, сказочно-поэтическое видение мира стало для М.М. Пришвина подлинным источником гармоничного творчества и структурирования жизненного пути, лишь когда писатель вступил в период поздней зрелости. «Небывалое», к которому он стремился с самого детства, было открыто М.М. Пришвиным в повседневной смене событий «...меня стала интересовать жизнь около себя, и мне незачем стало делать далекие путешествия за небывалым. Дело в том, что это влекущее небывалое, оказывается, находилось совсем недалеко и около меня, я стал особенно любить свои ежедневные дневниковые записи об этом повседневном и близком» [16, с. 590]. «Небывалое» открылось М.М. Пришвину через неустанный творческий диалог с миром Природы. Одинокое дерево на опушке леса, трухлявый пенек, тающий на горизонте клин журавлей, полевые цветы, собранные в скромный букетик — все это воспринималось и переживалось писателем как «откровение» Природы, приносило духовное удовлетворение и служило неиссякаемым источником творчества в самом широком смысле этого слова. М.М. Пришвин начал свой путь личностного и творческого самоопределения скитаниями, а закончил домом. «Тот маленький дом, в котором мы рождаемся, разрушается со временем, как и гнездо у птиц; птицы вылетают на большой простор, предоставляя гнездо дождям и бурям, а человек должен непременно достигнуть такого простора, чтобы тело свое почувствовать вместе со всей землей, ее воздухом, светом, водой, огнем и населением как свой дом» [19, с. 155—156]. К концу жизни граница между «территорией души» писателя и объективным миром, между фактами биографии и художественным вымыслом настолько стала малозаметной, что определено сказать, где заканчивается первое и начинается второе не пред-

ставляется возможным. «Вишни цветут, и в той поре, когда под ними на темной перекопанной земле еще нет ни одного белого упавшего лепестка. В белой тесноте цветущего дерева моя душа встречается с чьей-то вечной душой, и сердце радуется тому, что еще нет на земле ни одного упавшего белого лепестка. Необъятная теснота белых цветов, как собор наших душ: такими мы сойдемся когда-нибудь и такими останемся» [17, с. 446].

Список литературы

1. Абрамова Г.С. Психология человеческой жизни: Исследования геронтопсихологии. — М.: Изд. центр «Академия», 2001. — 224 с.
2. Анцыферова Л.И. Новые стадии поздней жизни: время поздней осени или суровой зимы? // Психологический журнал. — 1994. — Т. 15, №3. — С. 99—105.
3. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. — М.: Институт психологии РАН, 2004. — 415 с.
4. Бурно М.Е. Сила слабых. — М.: Приор, 1999. — 368 с.
5. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 1999. — 364 с.
6. Крайг Г. Психология развития. — СПб.: Питер, 2001. — 992 с.
7. Краснова О.В. Руководство по оказанию социально-психологической помощи старым людям. — М.: МГУ; Обнинск: Принтер, 2002. — 208 с.
8. Краснящих А.П. Библиотерапия: благая весть // Библиотечное дело. — 2005. — №10 (34). — С. 2—5.
9. Малиновский П.П. Помешательство, описанное так, как оно является врачу в практике. — М.: Медгиз, 1960. — 216 с.
10. Мягков И.Ф., Боков С.Н., Чаева С.И. Медицинская психология: Пропедевтический курс. — М.: Логос, 2002. — 320 с.
11. Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. — М.: Гардарики, 2002. — 554 с.
12. В.С. Баранов и др. Некоторые особенности психотерапии в геронтологической практике // Медицинские и социальные проблемы в геронтологии: сборник статей и тезисов докладов международного семинара по проблемам пожилых. — Самара: Самар. Дом печати, 1996. — 288 с.
13. Осипова А.А. Общая психокоррекция. — М.: ТЦ «Сфера», 2000. — 512 с.
14. Пави П. Словарь театра. — М.: Прогресс, 1991. — 504 с.
15. Паустовский К.Г. Золотая роза. — М.: Советский писатель, 1983. — 368 с.
16. Пришвин М.М. Весна света. — М.: Молодая гвардия, 1953. — 592 с.
17. Пришвин М.М. Дневники. — М.: Правда, 1990. — 480 с.
18. Пришвин М.М. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 1: Кашеева цепь; Мирская чаша. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2006. — 688 с.
19. Пришвина В.Д. Наш дом. — М.: Молодая гвардия, 1977. — 336 с.
20. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров. — Самара: Издательский дом «БАХРАХ», 1998. — 640 с.
21. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.Н. Реана. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. — 656 с.
22. Шахматов Н.Ф. Психическое старение. — М.: Медицина, 1996. — 302 с.
23. Эриксон Э. Детство и общество. — СПб.: Речь, 2000. — 416 с.

Therapy by creative dialogue with the literature

FILOZOP A.A.

E-mail: fzm@promtextile.ru

In clause theoretical and practical aspects clinical psychological the approach to therapy by creative dialogue with the literature in gerontopsychology to an expert are considered. The clinical psychological analysis of a vital and creative way of M.M. Prishvin, as an example of structurisation of employment in groups of therapy is presented by creative dialogue with the literature.

Key words: *therapy by creative self-expression, a subjective picture of the world, the autistic-closed character, late age*